

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Еще раз о сущности, содержании и значении принципов военного искусства

*Полковник в отставке Н.М. ИЛЬЧЕВ,
доктор философских наук*

В АПРЕЛЬСКОМ 2005 года номере журнала «Военная Мысль» была опубликована статья капитана 1 ранга в отставке Е.В. Васильева «О некоторых принципах военного искусства», в которой он справедливо отмечает, что в последние годы даже в некоторых руководящих документах исчезли разделы, посвященные принципам военного искусства (ПВИ), хотя многовековая история войн и вооруженных конфликтов сохранила много примеров, свидетельствующих, что судьба боев, сражений, войн определялась способностью полководцев умело следовать этим принципам. По мнению автора, ПВИ необходимы «как ноты для музыканта», и потому не случайно А.В. Суворов называл их «стратегией на все времена»¹, а Г.К. Жуков, подчеркивая их огромную роль в достижении победы в Великой Отечественной войне, писал: «Я лично руководствовался ими при подготовке всех операций. Одновременно видел, что, когда к этим вопросам относились формально, успеха в бою, в сражении и операции не было»².

На наш взгляд, Е.В. Васильев, безусловно, прав, утверждая, что неоднозначная трактовка ПВИ препятствует уверенному применению их военными руководителями (с. 23, 29). В статье раскрывается понимание автором сущности принципов, классификация, соотношение с законами, некоторые аспекты их значения в деятельности современного военного руководителя. К числу удачных автор относит следующее определение принципа, приведенное в Российском энциклопедическом словаре: «Принцип — основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации» (с. 23). Однако если внимательно проанализировать данную формулировку, то можно увидеть, что она страдает некоторой *односторонностью*. Конечно, есть принципы, называемые онтологическими, которые служат исходными для всех без исключения законов. Таковыми, например, являются *принципы всеобщей связи и развития*³, существовавшие и функционировавшие, когда на Земле еще не было ни людей, ни животных, ни растений. Отсутствовали, разумеется, также законы общественной жизни, войны и вооруженной борьбы. Это, во-первых. Во-вторых, исходными в деятельности каждого военного руководителя являются и ПВИ, которыми он руководствуется при принятии важнейших решений при подготовке и в ходе операции (боя).

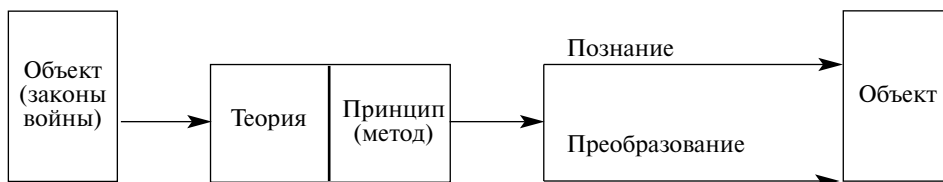
Но, будучи таковыми, т. е. исходными в деятельности военного руководителя, те же **ПВИ являются производными по отношению к законам войны и вооруженной борьбы**, которые представляют собой объективные источники данных принципов. Поэтому ПВИ, с одной стороны, являются производными от законов войны и вооруженной борьбы,

¹ Военная Мысль. 2005. № 4. С. 23.

² Военная Мысль. Специальный выпуск. 1985. С. 26.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 458, 459, 561, 598.

т. е. *вторичными*, гносеологическими, но, с другой стороны, они же выступают *первичными*, исходными для деятельности военного руководителя (рис.).

Двойное положение принципов военного искусства

Из приведенной схемы видно, что законы войны и вооруженной борьбы, существующие вне и независимо от сознания человека, находят свое выражение в военной науке, положениями которой руководствуются командиры при организации и ведении боевых действий. Следовательно, **ПВИ — это правила действий, созданные на основе глубокого и всестороннего знания законов войны и вооруженной борьбы.**

Опираясь на верное положение, что в содержание ПВИ включены знания, отражающие законы войны или вооруженной борьбы, некоторые исследователи ставят на этом точку, полагая, что тем самым исчерпано все содержание принципа. Утверждается, например, что ПВИ отражают определенные закономерности, наличие принципов подтверждает существование устойчивых, повторяющихся связей между явлениями, и поэтому, открывая какой-либо принцип, невольно вскрывают и определенные, стоящие за ним закономерности. На самом же деле, как видно из схемы, содержание ПВИ не ограничивается результатами отражения в сознании человека объективных законов войны и вооруженной борьбы. В принципе заключено не только содержание закона, но и *метод, прием познавательного или практического действия*, что является следствием творческой духовной деятельности человека. Это, во-первых. Отсюда, во-вторых, ПВИ не «открывают», а *создают*, но не произвольно, а на базе познания законов войны, вооруженной борьбы. Поэтому не познание закономерностей войны осуществляется через ПВИ, а наоборот, **принципы создаются на основе ранее познанных закономерностей.**

Следовательно, ПВИ имеют «двойственную» природу: с одной стороны, они являются результатом отражения объективных законов войны и вооруженной борьбы; а с другой — в них выражен итог творческой активности человека, т. е. в их содержание входит не только отраженное, но и *творческое, субъективное*. Более того, можно считать справедливым следующее утверждение: как выражение субъективного ПВИ предоставляют командиру свободу творчества в пределах складывающейся обстановки и реальных возможностей изменения этой объективной действительности. Поэтому в ПВИ специфически проявляется *диалектика свободы и необходимости*. Они представляют собой основополагающие руководящие идеи, важнейшие рекомендации о способах и формах боевых действий войск в целях достижения победы над противником. Поэтому утверждение некоторых военных специалистов, что принципы — это творение человеческого ума и потому они абсолютно свободны от объективной действительности, является, на наш взгляд, ошибочным.

Отрицание объективной основы происхождения, а следовательно, и сущности ПВИ иногда проявляется в смешении их с законами. Такое

понимание наблюдается, например, в следующих высказываниях К. Клаузевица: «Одновременное напряжение всех предназначенных для данного удара сил рисуется как основной закон войны»; «Итак, закон, который мы пытались развить следующий: все силы, предназначенные и имеющиеся в нашем распоряжении для достижения какой-либо стратегической цели, должны быть использованы одновременно»⁴. В обеих цитатах автор называет ПВИ законами. Ф.О. Микше также «грешит» смешением законов и принципов: «Законов много, — пишет он, — но сущность всех их сводится к принципу внезапного сосредоточения сил в решающий момент и на решающем участке»⁵. И у некоторых отечественных авторов наблюдаются попытки свести суть ПВИ к законам. Так, в одной интересной статье утверждается: «Под ПВИ следует понимать выведение на основании минувших войн среднестатистических закономерностей, отражающих тенденции развития боя (операции)»⁶.

Не правы, на наш взгляд, также и те военные специалисты, которые считают, что законы военного искусства отличаются от его принципов степенью глубины и всесторонностью отражения закономерностей вооруженной борьбы. Высказывается мнение, что законы глубже и полнее, чем принципы, поскольку первые отражают внутренние, существенные связи, а вторые — не все стороны того или иного закона и несущественные связи. На самом деле вряд ли можно назвать какой-либо ПВИ, не отражающий существенных отношений. Если даже допустить его наличие, то в силу своего атрибута, «несущественный», он выходит за рамки вообще военной науки, имеющей дело только с научными, следовательно, существенными принципами.

Нельзя согласиться и с утверждением, что «принцип выражает одну из множества сторон явления предмета...»⁷. Да, случается, когда из одного закона выводится несколько принципов. Но также известно, что **объективной основой того или иного принципа может выступать даже не один, а несколько законов**, т. е. из нескольких законов может быть создан один принцип (например, принцип взаимодействия).

Есть основание считать, что при сравнении, какое понятие — закон или принцип — богаче, предпочтение следует отдать все же принципу. Почему? Потому что в принципе, как уже отмечалось, кроме закона или какой-либо его стороны содержится и руководство к действию. Что касается глубины отражения действительности в ПВИ, то она определяется глубиной отражения действительности в законе военной науки: чем глубже он отразил объективное, тем точнее, действеннее принцип, на нем основанный.

Вызывает возражение и отрицание некоторыми военными теоретиками критериев прогнозирования изменений ПВИ, «строгих закономерностей ранжирования весомости ПВИ», поскольку «это область военного искусства»⁸. Однако если признается изменение ПВИ, то можно прогнозировать и основные закономерности их изменения. Так, постоянно развивается содержание и форма принципа массирования сил и средств на решающем направлении.

Есть специалисты, не признающие зависимость ПВИ от политических целей войны, поскольку, по их мнению, принципами руководствуются не в войне, а в бою (операции)⁹. А разве бой не входит в содержание войны? Разве возможна война без боев и операций?

⁴ Клаузевиц К. О войне. М., 1941. С. 194—200.

⁵ Микше Ф.О. Атомное оружие и армия. М., 1956. С. 33.

⁶ Военная Мысль. 1994. № 9. С. 23.

⁷ Военная Мысль. 2005. № 4. С. 23.

⁸ Военная Мысль. 1994. № 9. С. 23, 25.

⁹ Там же. С. 22.

Зависимость тех или иных принципов от политических целей войны в ряде случаев очевидна. Так, применение ядерного оружия (разумеется, если будет принято такое решение) станет реализовываться в соответствии с определенными принципами. А задействование этого оружия зависит от политических целей. Примечательно, что Л. Гарт, также рассуждающий об исключительном применении ПВИ только в бою и операции, тем не менее провозглашает, что в отдельном бою и операции «ПВИ, как правило, не проявляются»¹⁰. Но если они не проявляются в бою и операции, то правомерно сделать вывод, что им вообще нет места. Как же можно применять ПВИ в военном деле, минуя их применение в боевых действиях, которые невозможны без боя и операции?

Неоднозначны мнения о развитии ПВИ, особенно при характеристике их главных источников. Так, некоторые специалисты отвергают зависимость ПВИ от уровня производительных сил, поскольку, по их мнению, принципы «отражают непосредственную связь хода и исхода боя (операции) с качеством вооружения»¹¹. Но ведь качество вооружения определяется способом производства, т. е. развитием производительных сил и производственных отношений. Поэтому **нелогично, признавая зависимость ПВИ от вооружений, отрицать их зависимость от производительных сил.**

Ряд теоретиков настаивают на неизменности, вечности принципов. Так, полковник американской армии Г.К. Сандисент утверждал, что «принципы непоколебимы. Они и в наши дни те же, что во времена Александра, Ганнибала, Цезаря и Наполеона»¹². По словам бывшего гитлеровского генерала Л. Рендулича, «принципы стратегии при правильном руководстве войсками проявлялись в войсках всех времен начиная с глубокой древности. Они не подвергались изменению в результате развития оружия... Ядерная война также не внесла каких-либо изменений»¹³. И по мнению И. Хеймонта, «основные принципы ведения войны остались неизменными. Даже появление ядерного оружия... не повлияло на проверенные временем принципы войны»¹⁴.

Однако эти выводы убедительно опровергаются происшедшими изменениями и развитием принципов войны вследствие оснащения войск ракетно-ядерным оружием. Как отмечается в «Военной стратегии», в условиях современной войны целый ряд ПВИ, которые считались руководящими в период Первой и Второй мировых войн, подвергаются ныне коренному пересмотру, а некоторые полностью утрачивают свое значение, уступая новым. **Нового подхода, например, потребовал принцип сосредоточения сил и средств на решающем направлении.** Если во всех прошлых войнах он реализовывался путем концентрации живой силы, техники и средств поражения на относительно ограниченном участке фронта, то теперь тот же эффект достигается массированием ударов современных видов оружия. Более того, сейчас в условиях широкого распространения высокоточного оружия создание на участках прорыва плотных построений войск чревато тяжелыми последствиями. Да в этом теперь вообще нет необходимости, так как, по мнению многих военных специалистов, боевые действия в современной войне не будут вестись на сплошных фронтах. Поэтому особое значение сейчас приобретают районы приложения усилий, поскольку ударам с применением

¹⁰ Гарт Л. Вторая мировая война. М., 1976. С. 23.

¹¹ Военная Мысль. 1994. № 9. С. 22.

¹² Сандисент Г.К. Стратегия на западном фронте (1914—1918). М., 1923. С. 7.

¹³ Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974. С. 113, 114.

¹⁴ Цит. по: Beaufre A. Die revolutionisierung des Kriegsbildes. Stuttgart. 1974. S. 12.

ядерного или дальнобойного высокоточного оружия могут быть подвергнуты одновременно объекты на многих направлениях и на всю глубину территории противника.

Значительным изменениям подвергся и принцип экономии сил. Это обусловлено тем, что в современных условиях от количества и эффективности приложенных усилий в самом начале войны во многом зависит ее конечный исход, и потому сейчас нецелесообразно резервировать большую часть сил для ведения военных действий в ее последующие периоды. Если в прошлых войнах большая роль отводилась принципу частной победы, так как общая победа складывалась из множества успехов на различных фронтах, то теперь благодаря современным стратегическим средствам вооруженной борьбы успехи общего стратегического характера обуславливают и частные победы.

В настоящее время появились и новые ПВИ, к которым можно отнести принцип рассредоточения войск в бою и операции с целью избежать потерь в живой силе и технике от ядерных ударов, принцип внезапности ядерных ударов и др. Следует также отметить **объективную необходимость наполнения количественным содержанием многих ПВИ ВВС, важнейшим из которых является «господство в воздухе».** Под господством в воздухе ныне понимается созданная активными действиями всех видов ВС, и в первую очередь ВВС, такая обстановка в воздушном пространстве, при которой соотношение сил в воздухе и благоприятные условия для действий своей авиации позволяют ей успешно выполнять боевые задачи. Опыт оперативной подготовки ВВС свидетельствует, что господство в воздухе достигается при количественно-качественном соотношении сил авиации сторон не менее 2:1. В дополнение к этому критерию иногда используют степень поражения группировки ПВО противника в полосе прорыва не менее 70 % и снижение интенсивности боевых действий его тактической авиации не менее чем в полтора раза в результате разрушения, прежде всего, объектов инфраструктуры¹⁵.

Изложенные аргументы свидетельствуют о набирающей силу тенденции признания объективности изменения и развития ПВИ. Так, американский генерал Д.О. Смит считает, что «следует отказаться от благоговения перед постоянными принципами, так как такое благоговение ведет к застою мысли, к установившимся шаблонам»¹⁶. Английский военный теоретик Л. Гарт одну из основных причин быстрого поражения французских войск в ходе Второй мировой войны видел в преклонении перед устаревшими принципами ведения боевых действий. «Воспитанные на традициях медленных действий в период Первой мировой войны, французы, — писал он, — психологически не могли приспособиться к новым условиям, и это явилось причиной того, что французские войска были так быстро парализованы. Наибольшая слабость французов заключалась не столько в недостатке или плохом качестве вооружения, сколько в отсутствии у них военной теории. Их взгляды на ведение войны развивались медленно по сравнению со взглядами их противников. Как часто бывает в истории, победы в одной войне порождали самодовольство и приводили к консервативности во взглядах, что и явилось причиной поражения в следующей войне»¹⁷.

Следует отметить, что зарубежные военные теоретики подчеркивали значительную роль принципов и методов боевых действий

¹⁵ Военная Мысль. 1999. № 2.

¹⁶ Смит Д.О. Военная доктрина США. М., 1956. С. 191.

¹⁷ Гарт Л. Стратегия непрямых действий. М., 1957. С. 371.

вооруженных защитников нашей страны. Английский фельдмаршал Э. Кингстон-Макклори писал, что все военные руководители «должны тщательно изучать эти новые формы ведения войны»¹⁸.

В современных условиях **одними из ведущих тенденций в теории и практике подготовки и применения войск являются интенсивная политизация военного дела и существенное возрастание влияния стратегии на оперативное искусство**. Крупные геополитические изменения на рубеже XX и XXI веков совпали с бурным развитием новейших технологий, благодаря чему стал возможен переход от войн, когда действия войск носят разрушительный характер, к военным конфликтам с преобладанием функционально-структурного, *избирательного* воздействия на противника. Ряд военных специалистов считают, что эта тенденция будет в основном определять развитие оперативного искусства в обозримом будущем. Поэтому в основу военного строительства они предлагают положить не принцип прямого контрсилowego противостояния, а достаточно хорошо апробированный в межгосударственных отношениях *принцип асимметричной угрозы*.

В этой связи выделяют несколько важнейших **тенденций развития современного оперативного искусства**: трансформация вооруженной борьбы любого масштаба в вооруженно-информационное противоборство; подготовка объединений к решению задач в военных конфликтах любого масштаба и интенсивности; постоянное изменение характера и содержания боевых действий войск; рост возможностей по ведению борьбы в воздухе и космосе; сохранение определяющей роли огневого поражения противника в боевых действиях войск; усиление значения маневра; возрастание зависимости успеха войск от всестороннего их обеспечения; рост значения условий подготовки боевых действий; резкое повышение роли качества управления, профессиональной и морально-психологической подготовки личного состава и др.¹⁹

Кроме принципов «чисто» военного искусства целесообразно опираться на положения и других сфер военной, да и вообще общественной деятельности, особенно на данные научного управления. Среди них значительная роль, на наш взгляд, принадлежит *принципу единоначалия*, позволяющему достигать единства воли и действий, твердости, оперативности руководства и обеспечивать эффективное использование человеческих способностей.

Серьезным препятствием субъективистскому произволу и стихийности служит *принцип объективности*, требующий обоснованности решений. Возрастает значение всесторонности рассмотрения, принципа *конкретности истины, творческого подхода* к управлению войсками, который требует рационального использования старых и новых форм боевой деятельности. Особое значение приобретает *принцип опоры на коллектив*, эвристические возможности всего личного состава, а следовательно, возрастает роль верного решения проблемы соотношения объективных законов войны и сознательной деятельности людей, т. е. объективного и субъективного.

В статье Е.В. Васильева допускается неопределенность при характеристике значения законов и принципов: «Если закон «повелевает», «разрешает» или «запрещает» в зависимости от условий его действия, то принцип может только «рекомендовать», как увеличить или уменьшить те или иные факторы реальной действительности в ходе их взаимодействия между собой»²⁰. Да, **законы войны и вооруженной борьбы**

¹⁸ Кингстон-Макклори Э. Глобальная стратегия. М., 1969. С. 35.

¹⁹ Военная Мысль. 1999. № 1.

²⁰ Военная Мысль. 2005. № 4. С. 24.

выполняют ряд гносеологических функций: обобщают разрозненные знания; придают знаниям сущностный, необходимый характер; способствуют выработке методологии исследовательского поиска; представляют ступени познания военного дела; «предохраняют» от произвола, субъективизма, авантюризма; являются основой смелых решений и действий и др. То есть, как отмечалось, сущностью законов является определенная связь. Их значение реализуется в перечисленных «рекомендациях». Однако им не свойственны ни «повеление», ни «запрещение». Эти качества присущи как раз принципам военного искусства, что вытекает из содержания второй части их знания.

Впрочем, и сам Е.В. Васильев отмечает, что «принцип освобождает от ненужного, организует, направляет и конкретизирует как практическую, так и научную (исследовательскую) деятельность во всех областях военного искусства; «поле принципов» — это поле сражений, побед и поражений в военной области» (с. 24). Комментарии, как говорится, излишни. Кроме того, в статье отмечаются конкретные возможности ПВИ «повелевать» в различных сферах теоретической и практической деятельности военного руководителя. Характеризуя, например, элементы «повелевания» принципа внезапности (неординарности) военных действий для противника, Е.В. Васильев пишет: «Требования этого принципа у нас, к сожалению, больше декларируются, чем исполняются» (с. 25). Как видим, здесь провозглашается не «декларирующая», а «повелевающая» функция названного принципа.

Справедливо и такое утверждение автора: «Можно считать, что большинство областей военной деятельности подчинено требованиям принципа централизации управления (единоначалия)» (с. 27). Правда, в данном случае сам же Е.В. Васильев фактически опровергает свое прежнее утверждение о функциях принципов, поскольку речь идет о «подчиненности» именно этому принципу. Поэтому можно считать лишней основания мысль автора, выраженную в тезисе: «...В диалектическом плане принцип может характеризовать «достаточность», а закон — «необходимость» (с. 24). В действительности же принцип «вбирает» основное содержание закона, его главные черты и «добавляет» к нему, как отмечалось, конкретное указание, как следует поступать военному руководителю.

Таким образом, **ПВИ представляют собой правила действий военного руководителя, созданные на основе глубокого и всестороннего знания законов войны и вооруженной борьбы.** Они имеют исторический характер, т. е. возникают на определенном этапе развития военного дела, изменяются, а некоторые утрачивают свою роль. Прав М.А. Гареев, считая, что в военном искусстве «есть если не «вечные», то очень долго живущие принципы»²¹. Они имеют двойственную природу: с одной стороны, являются отражением законов войны, вооруженной борьбы, а с другой — в них выражены приемы, методы творческой деятельности человека. Следовательно, ПВИ содержат не только результат «чистого» отражения, но и вновь созданное человеком указание, как надо наиболее эффективно действовать для достижения победы. Поэтому в них содержится не только отраженное, но и творческое, субъективное. В деятельности военного руководителя возрастает значение и других принципов научного управления: объективности, единоначалия, конкретности и др.

---

²¹ Военная Мысль. 2005. № 5. С. 14.

О боевых возможностях воинских формирований

Полковник А.В. ЛИПАТКИН

ДОСКОНАЛЬНОЕ изучение опыта современных войн и вооруженных конфликтов приводит к появлению более прогрессивных взглядов на ведение боевых действий, применение сил и средств в операции (бою), а также новой терминологии и принципов военного искусства, что требует от военной науки глубокого и всестороннего их анализа. Так, в последнем издании уставных документов по ведению общевойскового боя к существовавшим ранее принципам тактики добавился еще один — «соответствие боевых задач подразделений их боевым возможностям»¹. В этой связи представляется целесообразным подробно рассмотреть и при необходимости уточнить понятие «боевые возможности» (БВ), определяющие его факторы, содержание, показатели и некоторые другие вопросы, связанные с этим термином.

В настоящее время существует несколько определений БВ. В Военной Энциклопедии приведена следующая формулировка: «Боевые возможности, совокупность количественных и качественных показателей, характеризующих способность войск (сил) по выполнению определенных *боевых задач* в установленные сроки и в конкретных условиях обстановки»². А в учебнике «Тактика» говорится, что под БВ следует понимать способность выполнять боевую задачу за установленное время в конкретной обстановке³. Однако при таких формулировках БВ и боеспособность становятся понятиями идентичными, что не соответствует действительности. Ведь способности относятся к процессу действия, а возможности — к *результатам этого действия*. Когда мы говорим «объект способен действовать», то отвечаем на вопрос «что делать?» и подразумеваем, что он функционален, т. е. способности зависят от качеств объекта. Например, человек здоров, имеет ноги и способен ходить — «что делать?».

Но если говорится, что объект может выполнить определенный объем действий, то при этом, прежде всего подразумевая его способность действовать, мы, кроме того, учитываем и влияние внешних условий, т. е. имеем в виду, что такую задачу он может выполнить в данных конкретных условиях обстановки. Следовательно, **БВ определяют не только внутренними качествами объекта, но и влиянием на его действия внешних факторов (условий)** и отвечают на вопрос «что может сделать?». Если рассматривать опять же человека, определяя сколько он может пройти или пробежать, то это будет зависеть от большого количества факторов, а способность ходить является всего лишь исходной точкой, необходимым условием для движения, но не результатом.

Кроме того, сведение БВ к совокупности показателей лишает их сущности, поскольку трудно понять, что же обладает характеристиками. Общий смысл понятия БВ — это работа, которую может выполнить объект, т. е. *результат его деятельности*. Руководствуясь логическими правилами определения понятий, сформулируем термин «боевые возможности» через противоположность возможности —

¹ Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. Часть 2. Батальон, рота. М.: Воениздат, 2004. С. 47.

² Военная Энциклопедия. М.: Воениздат, 1997. Т. 1. С. 523.

³ Тактика. М.: Воениздат, 1993. С. 12.

действительность — и учтем при этом, что количественной мерой возможности является *вероятность*. На основании такого подхода получается следующая формулировка: **боевые возможности — это результат, который действительно может быть достигнут с высокой степенью вероятности ($P > 0,9$) воинским формированием в ходе выполнения боевой задачи в конкретных условиях обстановки.** В данном случае выполнено основное правило определения понятий — *соразмерность*, т. е. объем определяющего понятия полностью совпал с объемом определяемого.

В соответствии с существующими взглядами содержание БВ для воинских формирований Сухопутных войск трактуется как совокупность *огневых, маневренных возможностей и ударной силы*. К первым из них прежде всего относятся возможности артиллерии, авиации и других средств, осуществляющих поражение противника огнем. Ударная сила реализуется в ударах войсками — первым изобретенным способом ведения боя, суть которого заключалась в уничтожении противника холодным оружием в рукопашной схватке. Однако по мере развития средств вооруженной борьбы и появления сначала метательного, а затем и огнестрельного оружия дистанционное поражение противника постепенно вытеснило применение холодного оружия, и сегодня можно с уверенностью сказать, что этот процесс завершен: рукопашные схватки в современном бою носят исключительно случайный характер и практически не влияют на его ход и исход. При этом ударная сила реализуется прежде всего через огневые возможности мотострелковых, танковых и противотанковых подразделений, ведущих бой в пределах прямой видимости. Поэтому очень трудно объяснить разницу в огневых возможностях и ударной силе, например, мотострелковой роты, для которой это фактически одно и то же. В этой связи необходимо, на наш взгляд, **исключить понятие «ударная сила» из содержания БВ общевойсковых формирований, оставив лишь понятие «огневые возможности» мотострелковых, танковых и противотанковых подразделений.**

Применение вооруженных сил в войне предполагает осуществление ими трех основных функций: поражение противника, управление войсками и оружием, обеспечение военных действий. Исходя из этого составными частями БВ целесообразно, по нашему мнению, считать **возможности по поражению, управлению и обеспечению**. К первым из них следует отнести огневые возможности воинских формирований и всех средств поражения, участвующих в бою, в том числе ядерного, высокоточного оружия, инженерных боеприпасов, огнеметных средств и др. Что касается маневренных возможностей, то маневр подразделениями применяется, как известно, с целью занять выгодное положение по отношению к противнику для более эффективного его поражения. Маневр огнем осуществляется с той же целью. Поэтому маневренные возможности целесообразно также отнести к возможностям по поражению и рассматривать как их составную часть.

Возможности по управлению и обеспечению раньше не относились к БВ, но анализ современных боевых действий позволяет сделать вывод, что они становятся *реальной материальной силой*. В ходе операции «Буря в пустыне» многонациональные силы не имели численного превосходства над армией Ирака, но обладали подавляющим преимуществом в системах управления и обеспечения (прежде всего боевого), что в конечном счете и предопределило их победу. Поэтому без их учета говорить о боевых возможностях вряд ли целесообразно.

С БВ тесно связано другое понятие — **«боевой потенциал»**. Поскольку в Военной Энциклопедии не приведено определение этого термина, его употребление претерпело определенную эволюцию. Сначала под

ним понималась доля вклада в операцию боевых средств, выраженная через какое-то одно из них (например, танк Т-55), затем алгебраическое произведение количества боевых средств на их боевую эффективность, что позволяло давать количественно-качественную характеристику воинского формирования и прогнозировать исход боевых действий путем сравнения боевых потенциалов противоборствующих сторон. Однако не совсем ясный физический смысл этого понятия приводил к большим ошибкам, так как не позволял объективно учесть всю сумму факторов, влияющих на достижение успеха в бою. Поэтому, на наш взгляд, **под боевым потенциалом следует понимать возможности воинского формирования по поражению группировки противника.**

Говоря о факторах, определяющих БВ, необходимо отметить, что в различных источниках они сформулированы по-разному. Так, в «Военной Энциклопедии» указывается, что БВ войск (сил) зависят от боевого состава, их укомплектованности, качества и эффективности состоящего на вооружении оружия и техники, всестороннего обеспечения боевых действий, подготовки командного состава и уровня управления войсками, выучки, морально-психологических и боевых качеств личного состава, физико-географических, климатических, погодных и других, условий, а также силы и характера противодействия противника, защищенности его войск и объектов от поражения различными видами оружия (боеприпасов)⁴.

В учебнике «Тактика» приведена уже классификация факторов, которые подразделяются на:

количественные — количество личного состава, боевой техники, ракет, боеприпасов, горюче-смазочных материалов и других материальных средств, определяемое в соответствии с организационно-штатной структурой группировок сторон; *качественные* — тактико-технические характеристики применяемых средств вооруженной борьбы, уровень профессиональной подготовки и морально-психологического состояния личного состава, применяемые приемы и способы ведения боя, эффективность управления войсками и оружием, новизна и оригинальность используемых мер обмана противника; *географический фактор* — комплекс природных условий, влияющих на подготовку и ведение боя⁵.

В обоих источниках изложен далеко не полный перечень факторов: в первом отсутствует классификация, а во втором она хотя и есть, но, во-первых, не удобна для практического использования, а, во-вторых, в единые классы сведены факторы по разным основаниям, что лишает деление научности. На наш взгляд, **более приемлемой представляется следующая классификация факторов:**

материальные, являющиеся основными, объективными, базовыми, без которых вообще нет БВ. К ним относятся люди, вооружение и техника, боеприпасы, ГСМ, военно-техническое имущество и другие материальные средства, необходимые для ведения военных действий;

человеческие — субъективные, часто меняющиеся факторы, которые тем не менее иногда могут становиться решающими, поскольку правильное их использование позволяет компенсировать недостаток материальных средств и повысить эффективность применения средств имеющихся. К ним относятся морально-боевые качества личного состава, возможности системы управления, выучка командиров и слаженность штабов, выражающиеся в умелом выборе способов ведения боевых действий, совершения маневра, поражения, обмана и разгрома противника, проведения мероприятий защиты войск и объектов и др.;

⁴ Военная Энциклопедия. Т. 1. С. 523.

⁵ Тактика. С. 12.

обстановки — объективные факторы, выступающие по отношению к первым двум как внешние: вид боевых действий, противник, местность, климат и состояние погоды, время года и суток.

Предложенная систематизация факторов позволяет лучше их запомнить и учесть при прогнозировании хода и исхода боевых действий.

Наиболее общим показателем БВ общевойсковых формирований является состав группировки противника, которую они могут разгромить в наступлении или отразить в обороне при условии сохранения своей боеспособности.

Второй показатель, характеризующий БВ, заключается в размерах территории, которой воинское формирование может овладеть в наступлении или удержать в обороне. В соответствии с ним определяется ширина полосы, участка прорыва и глубина боевой задачи в наступлении или размеры полосы (участка, района) обороны.

Третий показатель БВ — время, необходимое для выполнения боевой задачи в наступлении или в течение которого подразделение способно удерживать занимаемые позиции в обороне, а при выполнении задач в отрыве от главных сил — продолжительность автономных действий.

Четвертый показатель — уровень потерь при выполнении боевой задачи (цена победы), от которого зависит сохранение боеспособности подразделений после выполнения боевой задачи. Жизнь человека является высшей ценностью, и командир всегда должен стремиться выиграть бой с минимальными потерями, что, к сожалению, не всегда отмечается в практике войн. Боеспособность подразделений будет сохраняться до получения ими в бою **критических потерь**, которые могут составлять 5-70 % в зависимости от морально-боевых качеств личного состава. При этом, как показывает боевая практика, в наступлении подразделение может остановиться, еще сохраняя боеспособность, т. е. до получения критических потерь. Такой уровень потерь целесообразно считать **допустимыми**. Таким образом, **в обороне формирование прекращает сопротивление при получении критических потерь, а наступление останавливается при получении допустимых потерь**.

Пятым показателем является вероятность выполнения боевой задачи как количественное выражение БВ.

Предлагаемый подход к определению содержания понятий, связанных с новым принципом тактики, позволяет придать им научный характер, облегчает порядок их использования при прогнозировании возможных результатов исхода боевых действий. Вопрос же практического определения БВ воинских формирований является предметом особого обсуждения в другой статье.

Автор выражает искреннюю признательность участнику Великой Отечественной войны, кандидату военных наук, доценту, полковнику Николаю Николаевичу Бадякину за разрешение использовать в статье результаты его исследований.

Классные чины и воинские звания: социальная природа и проблемы соотношения

полковник запаса П.А. БАКЛАНОВ

БАКЛАНОВ Павел Анатольевич родился 4 июля 1965 года в г. Львове. Окончил Калининское суворовское военное училище (1982), Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище (1986), Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации (2000). Службу проходил в 1-й Отдельной стрелковой бригаде охраны Генерального штаба ВС и Центрального аппарата МО СССР (1986—1989), в 27-м Центральном научно-исследовательском институте МО РФ (1989—2002).

В настоящее время является начальником отдела по работе с членами Совета Федерации и их помощниками Управления кадров и государственной службы Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Государственный советник РФ 3 класса.

В ПРОЦЕССЕ реализации современного курса на реформирование общественных отношений в условиях демократизации и активного формирования гражданского общества, сопровождающихся тенденциями к самоопределению и самореализации различных групп населения, государственное управление остается основным фактором устойчивого и успешного функционирования российского социального организма.

В России в периоды реформаторских эпох традиционно именно государство выступало инициатором модернизации политического и социально-экономического устройства общества. Всегда назревшие преобразования осуществлялись мощным государственным аппаратом, представлявшим собой совокупность государственных служащих, профессионально и на постоянной основе занятых реализацией политики государства¹.

В.И. Даль в своем знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» дает следующее определение службы: «Служба — употребление, польза, угода, деятельность, жизнь для других, услуга, полезное дело»². Занимать посты в государстве было призвано служилое потомственное дворянство, которое по своему объективному положению с древних времен составляло гвардию и войско.

В богатом российском историческом наследии в сфере государственной службы заслуживает внимания, критического осмысления и творческого учета в современной кадровой работе опыт *управления корпусом государственных служащих и организации служебной карьеры чиновников*.

¹ Гусева А.С., Иглин В.А., Лытов Б.В. и др. Служебная карьера/ Под общей ред. Е.В. Охотского. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1998. С. 94.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Издательство АСТ, 2001. Т. 4. С. 380—382.

Постоянное влияние на прохождение чиновниками всех видов государственной службы (придворной, военной и гражданской) и ее уровней оказывалось обширной нормативно-правовой базой. Исторически значимое место в ней принадлежит *«Табелю о рангах всех чинов воинских, статских и придворных»*, утвержденному Петром I в январе 1722 года и сыгравшему роковую роль в судьбе боярства и старого дворянства³. Вплоть до поворотных событий октября 1917 года именно данный руководящий документ оставался символом общественных отношений в государственной службе. С его помощью достигались *социальная упорядоченность и единство кадрового корпуса*, основа которых базировалась на глубокой рационализации государственной службы, четком определении вектора карьерного роста, зависящего прежде всего от уровня профессионализма, выслуги лет, опыта службы и административной работы, а также от деловых качеств и нравственных достоинств служащих.

В соответствии с «Табелем» административные должности государственной службы были расписаны по четырнадцати классам (рангам). Была создана четкая юридически закрепленная иерархическая система чинов. В самом уставном документе термин «чин» в большинстве случаев употреблялся в смысле «должность».

В общей сложности в четырнадцать классов «Табеля» были включены 262 должности существовавших тогда видов государственной службы⁴. В принятом документе также отмечалось, что потомки русских и иностранцев, замещавшие должности первых восьми рангов (до майора и коллежского асессора включительно), причислялись к «лучшему и старшему дворянству, хотя бы они и низкой породы были»⁵.

Введение петровского «Табеля о рангах» на многие годы коренным образом изменило организацию государственной службы в России, основ ее нормативно-правовой базы, которая регулировала карьерную стратегию и тактику правительства. В нее входили основные законы Российской империи, петровский «Генеральный Регламент» (1720), «Устав о службе гражданской» (1832), «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» (1834) и другие многочисленные нормативные акты Государственного совета, Комитета министров, Сената.

В результате петровских реформ Россия обрела мощь и независимость, но уровень подготовки кадрового корпуса чиновников оставался низким. Император Александр I на основании записок М.М. Сперанского, автора выдающихся реформаторских идей того времени, 6 августа 1809 года издал указ *«Об экзаменах на чин»*, в соответствии с которым был установлен новый порядок производства в гражданские чины, предусматривающий для их получения прохождение курса обучения в одном из отечественных университетов и сдачу соответствующих экзаменов. Так классный чин стал символом не только «беспорочной службы», «заслуги и достоинства», «отличия», но и профессиональной подготовки.

Система чинов и производства в них постоянно совершенствовалась, что сказывалось на формировании общепризнанных ценностей в России. Созданная Петром I система классных чинов глубоко укоренилась в традициях, ментальности и стереотипах поведения государственных служащих, стала символом их профессионализма и престижа.

³ Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2003.

⁴ Гусева А.С., Иглин В.А., Лытов Б.В. и др. Служебная карьера. С. 94—98.

⁵ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 76.

Результаты успешной деятельности отдельных личностей в области искусства и науки также находились под контролем государства и оценивались по соответствующей сетке чинов и должностей, создававших плодотворную почву для сочетания, например, литературной славы и успехов на государственной службе (Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев). Однако в истории государственной службы России совершенно отсутствовал культ изобретателя или философа. К примеру, Н.И. Лобачевский получил генеральский чин и должность помощника попечителя Казанского учебного округа не за создание неевклидовой геометрии, а исключительно за профессорскую деятельность. Придворное положение Н.М. Карамзина было обусловлено его ролью историографа, а В.А. Жуковского — преподавателя словесности наследника престола. Великий поэт А.С. Пушкин, окончивший Царскосельский лицей по второму разряду с чином коллежского секретаря, был определен на службу в Коллегию иностранных дел, в которой проходил службу до 1824 года. По возвращении на государственную службу в 1831 году поэт был пожалован чином титулярного советника, а в 1833 году А.С. Пушкин был произведен в придворный чин камер-юнкера⁶. Исторически известны отказы от служебной карьеры М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя. Одновременно в общественном сознании всегда оставался на высоте культ военного героизма и военной службы.

Таким образом, **система чинов в России во многом предопределяла возможные типичные пути достижения жизненного успеха (карьерного роста) представителей различных сословий**. В содержательном смысле система чинов представляла структуру *профессионально-должностного развития административных кадров*, основанную на процессе накопления структурных компонентов профессионального опыта человека новым, отличным от предыдущего, содержанием. Это относится к знаниям индивида, к его умениям и навыкам, к психологическому опыту, которые приобретаются и накапливаются в результате служебно-трудовой деятельности и продвижения по карьерной лестнице. При этом служебно-трудовая деятельность представляется как в качественных, так и в количественных формах (в профессиях, специальностях, специализациях), а также в должностях и в рабочих местах⁷. В системе государственной службы дореволюционной России «классный чин» рассматривался как юридически закрепленный показатель профессионально-должностного положения государственных служащих на военной, гражданской или придворной государственной службе.

Первыми декретами советской власти — от 10 (23) ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и от 16 (29) декабря 1917 года «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» — воинские и гражданские чины в России были отменены полностью. Создание нового типа государства и принципиально нового государственного аппарата сопровождалось сменой его социальной символики. Вместе с чинами дореволюционной России исчезла их знаково-символическая атрибутика. Однако после неоднократных попыток руководства советской власти ввести новые знаки различия для военнослужащих, специальные звания, дипломатические и специальные ранги для других категорий государственных служащих состоялось возвращение знаково-символической атрибутики, которая ранее использовалась в системе классных чинов России.

⁶ Лытов Б.В. Александр Пушкин: служение Отечеству. Тула: Гриф и К, 2006.

⁷ Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М., 1998.

Сначала была воссоздана *система наград*. Затем сформировалась *система отличий в труде и в воинской службе*. В них использовались ранее распространенные в обществе различные формы социальной символики.

Поэтапно, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 года, указами Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года, от 9 октября 1942 года, от 16 января и 9 октября 1943 года были введены воинские звания, которые персонально присваивались военнослужащим армии, флота, авиации в соответствии с их военной квалификацией, служебным положением, заслугами, а также принадлежностью к роду войск или виду службы. В середине Великой Отечественной войны (1943) в Советской армии вводятся погоны и воинские знаки различия, ликвидированные советской властью в 1917 году.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 года и 13 июля 1955 года в СССР были введены классные чины — специальные звания (служебные разряды) для работников органов прокуратуры. Классные чины действительного государственного советника юстиции и государственного советника юстиции 1, 2 и 3 классов присваивались Президиумом Верховного Совета СССР, а классные чины советника юстиции, младшего советника юстиции и др. присваивал генеральный прокурор СССР. Прокурорскому работнику, имеющему классный чин, при исполнении служебных обязанностей предписывалось носить форменную одежду и знаки различия, соответствующие присвоенному чину. В СССР система профессионально-квалификационной символики постоянно развивалась и видоизменялась. «Чин» рассматривался как порядок, устав, обряд, звание, сан, степень, как юридическое звание, присваиваемое в постепенной последовательности лицам, проходящим административную службу, и дающее им определенные права и преимущества.

В 90-е годы прошлого века на смену сложившейся советской символике пришла символика обновленной России. С принятием Конституции Российской Федерации (1993) в России формируется *институт государственной службы* Российской Федерации. Государственная служба становится системным компонентом государственного управления, образует социальную среду органов управления, является реальным субъектом социальной действительности, представляет собой самостоятельную социальную организацию с общественно значимыми функциями и с системой внутренних и внешних связей с различными институтами общества⁸. К началу XXI века завершается процесс институционализации и профессионализации государственной службы.

Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «*О системе государственной службы Российской Федерации*» установил классификацию видов государственной службы, которые в совокупности образуют единую систему федеральной государственной службы в стране. В нее входят: государственная *гражданская служба*, *военная служба*, *правоохранительная служба*.

Гражданам, проходящим федеральную государственную службу, устанавливается обязательность присвоения классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий. Для граждан, проходящих государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации, устанавливаются только классные чины. Прис-

⁸ Магомедов К.О. Социология государственной службы: Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2004.

ваиваются классные чины в субъектах Российской Федерации с учетом положений федерального законодательства в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего субъекта Российской Федерации. Законодательство о классных чинах построено динамично, подобно положению о воинских званиях, предусматривает постоянное нарастание чина по его старшинству. Первый классный чин присваивается после успешного завершения испытательного срока, а последующие (очередные), как правило, по истечении срока, установленного для прохождения гражданской службы в предыдущем классном чине. Присваивается классный чин на основе квалификационного экзамена, в соответствии с замещаемой должностью только в пределах группы должностей гражданской службы. Квалификационный экзамен выполняет функцию стимулирования профессионального саморазвития государственных служащих, обеспечивает формирование конкурентной среды на государственной службе, а также позволяет выявить профессиональные возможности гражданских служащих.

В соответствии с законодательством Российской Федерации классный чин гражданского служащего — персональный, присваиваемый по результатам квалификационного экзамена, проводимого аттестационной или конкурсной комиссиями, чин, соответствующий служебному положению (замещаемой должности), уровню профессиональной и дополнительной специальной подготовки, выслуге лет, принадлежности к определенному ведомству и заслугам.

Порядок присвоения и сохранения классных чинов федеральной гражданской службы, соотношения классных чинов федеральной гражданской службы, воинских и специальных званий, классных чинов правоохранительной службы, а также соотношение классных чинов федеральной гражданской службы и классных чинов гражданской службы Российской Федерации определяется указом Президента Российской Федерации. Таким образом, очевидны два уровня классных чинов федеральной службы — *межведовой* и *внутриведовой*.

Межведовой — это соотношение с квалификационными отличиями, принятыми в других видах государственной службы, — с дипломатическими рангами, воинскими и специальными званиями, а **внутриведовой** — это соотношение в самой гражданской службе, между федеральной гражданской службой и гражданской службой субъектов Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» классный чин рассматривается как показатель (символ) уровня соответствия профессионализма гражданского служащего квалификационным требованиям замещаемой должности в пределах группы должностей. Таким образом, введение классных чинов в системе государственной службы направлено на упорядочение государственных служебных отношений, на закрепление иерархии государственных должностей. Главное же предназначение классного чина — **стимулирование гражданских служащих на повышение квалификации, а также признание заслуг соответствующего государственного служащего.**

Одним из общих принципов и условий присвоения, сохранения классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий является то, что присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания государственному служащему осуществляется исключительно в соответствии с замещаемой должностью федеральной государственной службы.

Мы разделяем мнение профессора А.И. Турчинова, о том, что некорректно проводить прямую аналогию между воинскими званиями и классными чинами государственной гражданской службы. Воинские звания лишь косвенно свидетельствуют о квалификационной адекватности военнослужащего занимаемой должности, а их присвоение не сопряжено со сдачей квалификационного экзамена. К тому же, в отличие от классного чина, выступающего показателем уровня соответствия профессионализма гражданского служащего квалификационным требованиям замещаемой должности в пределах группы должностей, воинское звание — это исторически сложившаяся в вооруженных силах и имманентная их должностной иерархии форма визуально-квалификационного отличия военнослужащих⁹.

Следовательно, эффективное решение проблемы соотношения классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий полностью зависит от разработки **единых критериев соотношения должностей**. Выбор подходов и основных критериев для решения этой задачи остается дискуссионным. Вместе с тем очевиден еще один способ решения рассматриваемой проблемы. По нашему мнению, им является разработка унифицированных методик формирования штатных расписаний органов управления различных уровней государственной власти и органов обеспечения их деятельности, в которых необходимо предусмотреть (на основании перечней должностей федеральной государственной гражданской службы, типовых воинских должностей и типовых должностей правоохранительной службы) примерное соотношение должностей государственной службы.

Также следует отметить, что решение проблемы соотношения классных чинов и воинских званий невозможно без установления единых основных критериев определения соответствия уровня профессионализма государственных служащих этих видов государственной службы квалификационным требованиям по замещаемым должностям.

Таким образом, соотношение квалификационных отличий государственной службы в целом и гражданской службы в частности, как межвидовое, так и внутривидовое, должно быть непосредственно связано с соотношением должностей (групп должностей) государственной службы в целом. Механическое использование принципа аналогии, по нашему мнению, не допустимо, так как социальная природа классных чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий различна.

---

⁹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. №58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (с изменениями от 11 ноября 2003 г.) и Федеральному закону от 27 июля 2004 г. №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»/ Под общ. ред. В.Г. Мальцева и И.Н. Барцица. М.: Изд.-во РАГС, 2005. С. 212—225.